Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-40-42

КАНУННИКОВА Наталья Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
доцент, полковник полиции
Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
начальник кафедры ГиГПД,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВАХ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОМ ОПРАВДАНИИ ТЕРРОРИЗМА ИЛИ ПРОПАГАНДЕ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. *Автор статьи предлагает свое видение того, как сложно бывает понять, что именно считается «публичным» призывам к терроризму или его оправданию. Он подчеркивает, насколько опасны такие преступления для общества, и считает, что главная проблема в том, что в российском уголовном законе не прописано достаточно подробно, как именно могут выглядеть и как совершаются подобные действия. Изучая, как общество защищено от таких преступлений, особенно от публичных призывов к терроризму, его оправдания или пропаганды, автор по-новому смотрит на то, как в российском уголовном праве понимают «публичность» этих действий. В итоге автор приходит к выводу, что старое определение публичности, которое говорит о том, что нужно как минимум два слушателя, не подходит для того, чтобы правильно оценивать преступления, связанные с публичными призывами и оправданием терроризма.*

Ключевые слова: *публичные призывы, террористическая деятельность, терроризм, оправдание, пропаганда, публичность, толкование, распространение, круг лиц, судебная практика.*

KANUNNIKOVA Natalia Gennadievna,
Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel
Of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Head of the Department of State and Civil Law Disciplines

ON PUBLIC CALLS TO TERRORIST ACTIVITIES, PUBLIC JUSTIFICATION OF TERRORISM, OR TERRORIST PROPAGANDA

Annotation. *The author of the article offers his own perspective on the difficulty of understanding what exactly constitutes "public" calls for terrorism or its justification. He emphasizes the dangerous nature of such crimes for society and believes that the main issue lies in the lack of detailed provisions in Russian criminal law regarding the specific nature and execution of such actions. By examining how society is protected from such crimes, particularly public calls for terrorism, its justification, or propaganda, the author provides a fresh perspective on how Russian criminal law defines the "public" nature of these actions. In the end, the author concludes that the old definition of publicity, which states that there must be at least two listeners, is not suitable for properly assessing crimes related to public appeals and justification of terrorism.*

Key words: *public appeals, terrorist activities, terrorism, justification, propaganda, publicity, interpretation, dissemination, range of persons, and judicial practice.*

Введение

Проблема с тем, как понимать и применять закон к публичным призывам к терроризму и его оправданию, в основном связана с тем, что наш уголовный кодекс не уточняет, как именно эти действия должны выглядеть. Но совершенно ясно, что вся опасность таких преступлений заключается в том, что кто-то доносит определённую информацию до других. Именно это донесение информации и создаёт ту потенциальную угрозу, которую государство хочет предотвратить – угрозу того, что люди под влиянием этих

слов могут быть вовлечены в терроризм. Данный аспект становится особенно ясным при анализе законодательного определения пропаганды терроризма в статье 205.2 УК РФ, где речь идёт о распространении материалов и информации, направленных на формирование определённых взглядов.

Когда речь идет о пропаганде терроризма, «распространение» означает, что материалы могут быть направлены как всем подряд, так и конкретным людям или определенной группе. Содержательная составляющая примечания 1.1. к ст. 205.2 УК РФ, фиксирующая под пропагандой терроризма «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности», позволяет исследователям данной проблемы полагать, что распространение информации и материалов может осуществляться и в отношении одного человека [1, с. 88; 2].

Закон о подстрекательстве работает не всегда. Он применяется только тогда, когда кто-то специально уговаривает кого-то конкретного совершить конкретное преступление, и это преступление уже настолько серьезно, что за него можно получить срок (хотя бы на стадии подготовки). И самое главное - нужно доказать, что именно из-за того, что подстрекатель сказал или сделал, другой человек в итоге совершил это преступление.

Часть 5 статьи 34 Уголовного кодекса РФ устанавливает, что попытка склонить лицо к совершению преступления, которая не увенчалась успехом, приравнивается к стадии приготовления к преступлению. Несмотря на дискуссии в юридической науке и практике относительно точного смысла этой нормы [3, с. 55-58], представляется, что она направлена на создание предпосылок для совершения того преступления, к которому осуществлялось побуждение, а не на подготовку самого акта подстрекательства. Следует подчеркнуть, что неудавшееся склонение к преступлениям террористической направленности уже имеет отдельное законодательное регулирование в статьях 205.1 (части 1 и 1.1) УК РФ. Тем не менее, это не исключает применения общих критериев, определяющих наказуемость стадии приготовления.

По мнению некоторых экспертов в области права, действия, совершаемые перед самим преступлением, должны быть наказуемы, если они уже создают ощутимую опасность того, что преступление произойдёт [4, с. 249]. Чтобы определить степень этой опасности, нужно посмотреть, что именно делалось, насколько это было важно для совершения преступления и как близко эти действия подвели к вредным последствиям. Исходя из этого, автор полагает, что для того, чтобы неудачная попытка подстрекательства считалась наказуемой подготовкой к преступлению, нужно доказать, что она действительно угрожала конкретной жертве. Обычно это условие выполняется, когда преступник пытается убедить определённых людей совершить преступление, которое уже достаточно ясно очерчено.

Понятие «публичные призывы к терроризму» подразумевает обращение к неограниченному, неиндивидуализированному кругу лиц. Это указывает на умысел виновного воздействовать на принятие решения о совершении преступления со стороны субъектов, не идентифицированных на момент обращения. Фактически, это представляет собой целенаправленное воздействие на любого потенциального «получателя» информации. Критериями публичности призыва являются место и способ его распространения, предполагаемый и фактический объем аудитории, а также иные сопутствующие факторы.

Факт большого количества просмотров призыва может свидетельствовать о некоторых его свойствах, но сам по себе не достаточен для определения его публичности. Если установлено, что автор имел намерение обратиться к определённым адресатам, то такой призыв не следует считать публичным. Это правило распространяется и на случаи, когда автор последовательно обращается к множеству отдельных лиц. Однако, если сообщения рассылаются массово различным получателям, и нет причин полагать, что автор хотел скрыть эту информацию от других потенциальных адресатов, то это отличается от вышеуказанных ситуаций.

Чтобы лучше понять эту позицию, представим ситуацию: некий человек в частной беседе с тремя знакомыми зачитывает свой документ, содержащий оправдания терроризма, и призывает их к участию в террористической деятельности. Несмотря на возможное намерение автора распространить этот текст более широко, его действия не будут считаться публичными. Причина в том, что общение происходило в ограниченном кругу конкретных лиц, а сам документ, содержащий опасные идеи, не был передан для дальнейшего распространения. Учитывая общий характер призывов, такие действия могут быть квалифицированы как пропаганда терроризма.

В рамках российского уголовного права ведется активная дискуссия относительно квалификации действий, направленных на склонение неопределенного круга лиц к совершению преступлений, как подстрекательства. Российские исследователи в области уголовного права указывают на возможность рассмотрения провоци-

рования массовых беспорядков, ведущих к совершению преступлений, в качестве подстрекательства, при условии, что толпа целенаправленно подталкивается к конкретному противоправному деянию, которое впоследствии реализуется [5, с. 346-347; 6, с. 327].

Результаты

1. Современная российская юстиция придерживается позиции, что открытое озвучивание призывов не исключает их трактовки как побуждения к совершению противоправных деяний. Тем не менее, когда подобные воззвания направлены на неограниченное число граждан и склоняют их к криминальным действиям, возникает очевидная трудность в демонстрации той причинно-следственной зависимости, которая необходима для признания причастности к преступлению.
2. С точки зрения права, публичные призывы и подстрекательство к преступлению имеют разграничение: для первых не требуется столь детальное описание противоправного деяния, как для второго. Тем не менее, данное исключение не применяется к публичным призывам к терроризму, если они не содержат никакой конкретики относительно требуемых действий. В таких случаях, при наличии всех необходимых элементов, особенно коммуникативной цели, эти призывы могут быть переквалифицированы как пропаганда терроризма.
3. При определении публичности для оправдания терроризма следует, по мнению автора, применять те же строгие критерии, что и для призывов к терроризму.
4. Традиционные научные трактовки публичности, предполагающие наличие двух и более слушателей, не могут быть адекватно применены для квалификации преступлений, связанных с публичными призывами и оправданием терроризма.

Заключение

Судебная практика показывает, что оправдание терроризма, в отличие от призывов, не обязательно подразумевает намерение подтолкнуть других к совершению теракта. Мотивация может быть иной: от желания выразить свои взгляды до стремления привлечь внимание или шокировать. Поскольку в таких случаях это остается формой выражения мнения, именно ограниченное понимание публичности является ключевым для признания опасности подобных заявлений. Их публичное распространение может не только нарушить общественный порядок, но и спровоцировать непредсказуемую реакцию, когда отдельные люди, под влиянием этих идей, могут пойти на совершение или попытку совершения террористического акта.

Список литературы:

[1] Кунашев А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 88.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3(2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Яни П.С. Сложности квалификации неудавшегося соучастия в преступлении // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. N 4(54). С. 55 - 58.

[4] Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 249.

[5] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 346 - 347.

[6] Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 327.

References:

[1] Kunashev A. Public calls for terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism: criminal law analysis and qualification issues//Criminal law. 2018. № 6. S. 88.

[2] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2019) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 27, 2019)// SPS “ConsultantPlus.”

[3] Jani P.S. Difficulties in qualifying failed complicity in a crime//Bulletin of the Academy of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation. 2016. N 4(54). S. 55-58.

[4] Kuznetsova N.F. Selected works. St. Petersburg, 2003. S. 249.

[5] Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. Part general. In 2 vols. 1. M., 1994. S. 346-347.

[6] Trainin A.N. Selected works. St. Petersburg, 2004. S. 327.